

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	7
II.	28
III	43
IV	64
V.	85
VI	105
VII.	121
VIII	136
IX	158
X	165
XI	181
XII.	195
XIII	204
XIV	210
XV.	220
XVI	237

XVII249
XVIII.259
XIX270
XX.280
XXI289
XXII294
XXIII307
XXIV311
XXV313

ΤΕΑ ΦΟΗ
ΧΑΡΒΟΥ

ТЕА ФОН
ХАРБОУ

МЕТРОПОЛИС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Х20

Серия «Neoclassic проза»

Thea Gabriele von Harbou

METROPOLIS

Печатается по изданию:
August Scherl, G.m.b.h., Berlin, 1926

Перевод с немецкого *Н. Федоровой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Харбоу, Теа, фон.

Х20 Метрополис: [роман] / Теа фон Харбоу ; [перевод с немецкого Н. Федоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — (Neoclassic проза).

ISBN 978-5-17-163502-2

«Метрополис» — научно-фантастический роман и одновременно философская притча, наполненная библейскими аллюзиями. На общем фоне, не обремененном описаниями технического прогресса, автор рисует грандиозную картину технократического общества, в котором мозг великого Метрополиса правит жизнью города, а классовая борьба грозит перерасти в кровопролитную войну.

Но однажды сын владыки города Фредер встречает Марию, которая предсказывает людям приход Посредника, способного разрешить проблемы классовой вражды. Рабочие ждут перемен, и Фредер, влюбленный в Марию и преданный народу, решает, порвав с отцом, идти своим путем. Дерзнет ли он вступить в схватку со всемогущим владыкой и попытается ли осуществить свой смелый план?..

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-163502-2

© Перевод. Н. Федорова, 2024
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2025

*Вручаю эту книгу
тебе, Фрид*

Эта книга не образ современности.
И не образ будущего.
Действие ее происходит в Нигде.
Она не служит ни движениям,
ни классам, ни партиям.
Эта книга — история, вырастающая
вокруг постижения:
**Посредником меж мозгом и руками
дóлжно быть сердцу.**

Теа фон Харбоу

I

Раскаты большого органа гудели громом, который, подобно встающему исполину, упирался в свод высокого помещения, грозя разнести его вдребезги.

Фредер запрокинул голову, широко открытые, жгучие глаза невидящим взором недвижно вперились в вышину. Из хаоса органных голосов руки его лепили музыку, сражались с вибрациями звуков, пронизанные ими насквозь.

Никогда в жизни слезы не подступали так близко, и в блаженной беспомощности он уступил жаркой влаге, слепящей глаза.

Над ним — лазурит небосвода, где реет двенадцатеричная тайна, золотые фигуры зодиака. А выше, над ними, семь венчаных — планеты. И высоко-высоко надо всем — сияющие серебром несчетные тысячи звезд: мирозданье.

Пред повлажневшими глазами органиста звезды закружились под его музыку в торжественно-могучем хороводе.

Рокочущие наплывы звуков обратили стены в ничто. Орган Фредера стоял теперь среди моря. Будто риф, о который бились косматые волны. В шапках пены мчались они одна за другой, и самой свирепой всегда была седьмая.

Но высоко над морем, ревушим в кипенье валов, торжественно-могучим хороводом кружили небесные звезды.

Сотрясенная до основания, старушка Земля в испуге пробудилась от сна. Реки ее иссыхали, горы рушились. Разверстые глубины изрыгали огонь. Земля и все, что было на ней, горели в пожаре. Волны моря обернулись пламенными валами. Орган пылал — гремющий факел музыки. Земля, море и полыхающий гимнами орган с грохотом рухнули и стали пеплом.

Но высоко над разгромом и пустотой спаленного творения торжественно-могучим хороводом кружили небесные звезды.

И вот среди клубов серого пепла поднялась на трепетных крыльях одинокая, несказанно прекрасная птица в оперенье из самоцветов. Исторгла горестный крик. Ни одна птица, что когда-либо жила на Земле, не горевала так благозвучно и так отчаянно.

Она парила над пеплом дотла уничтоженной Земли. Парила здесь и там, не зная, где опуститься. Парила над гробницей моря и над мертвым телом Земли. Никогда с той поры, как мятежные ангелы пали с небес в преисподнюю, не сотрясал воздух крик такого отчаяния.

Но вот одна звезда отделилась от торжественно-могучего хора и приблизилась к мертвой Земле. Нежнее лунного был ее свет и повелительнее солнечного. В музыке сфер ее голос звучал прекраснее всего. Он окутал горящую птицу своим нежным сиянием, могучим, как божество, и зовущим: ко мне... ко мне!..

И тогда самоцветная птица покинула гробницу моря и Земли, подставила поникшие крылья могучему зову, и он подхватил ее. Покоясь в колыбели света, она вознеслась в вышину, и запела, и стала голосом сфер, и исчезла в вечности...

Пальцы Фредера соскользнули с клавиш. Он наклонился вперед, спрятал лицо в ладонях. Зажмурился, крепко-крепко, пока не увидел под веками огненный танец звезд. Ничто не помогало ему, ничто! Повсюду, повсюду, в мучительной и блаженной вездесущности стояло перед ним одно-единственное лицо.

Строгий лик девы, ласковый лик матери — м ка и услада, которую он, увидев всего лишь раз, бесконечно призывал и для которой его истерзанное сердце не ведало имени, кроме одного, извечного:

Ты... ты... ты!..

Он уронил руки, поднял взгляд к прекрасному своду высокого помещения, в котором стоял орган. Из бездонной небесной синевы, из безупречного золота звездных фигур, из таинственного сумрака вокруг смотрела на него девушка с убийственной строгостью чистоты, прислужница и госпожа, непорочность... и притом сама прелесть:

прекрасное чело в венце доброты, голос — сострадание, каждое слово — песня. Но она отвернулась, шагнула прочь, исчезла... не отыскать ее... нигде, нигде...

— Ты! — воскликнул Фредер. Плененный возглас бился о стены и не находил выхода.

Одиночество сделалось совершенно нестерпимым. Фредер встал, распахнул двустворчатую дверь. В слепящей яркости перед ним открылась мастерская. Он зажмурил глаза и замер, едва дыша, чувствуя безмолвную близость слуг, ждущих распоряжений, что позволят им ожить.

Об одном из них — тощем, с вежливым лицом, никогда не менявшим выражения, — Фредер знал: достаточно словечка, и, если легкие ноги девушки еще ступают по земле, Тощий ее найдет. Но ведь не пустишь ищейку по следу священной белой лани, коли не желаешь быть проклятым и до конца дней своих влачить жалкую, беспросветную жизнь.

Не глядя на Тощего, Фредер видел, как тот сверлит его взглядом. Он знал: безмолвный человек, которого отец назначил ему всемогущим защитником, был и его стражем. По горячке ночей, лишенных сна, по горячке работы в мастерской, по горячке органной игры, взывающей к Богу, Тощий определял уровень эмоций у сына своего великого владыки. Отчетов он не подавал, да их и не требовали. Но если вдруг потребуют, он, конечно, предоставит подробнейший, идеальный дневник — начиная от числа тяжких шагов, какими измученный человек одну за другой растаптывает